

Черняк А. Я.

О РУКОВОДСТВЕ ЧТЕНИЕМ, РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЙ БИБЛИОГРАФИИ, А ТАКЖЕ О ТЕРМИНЕ «BIBLION»

В настоящей статье мы не ставим цель подвести какие-либо итоги развернувшейся дискуссии¹. Взяться за перо нас заставила тревога, связанная с некоторыми утверждениями, возникшими в ходе дискуссии. Речь идет о вещах, которые по своему значению выходят за видимые рамки дискуссии и представляют широкий, общий для отраслей книжного дела интерес.

В профессиональной литературе, в частности, в учебной, руководство чтением рассматривается как процесс, составляющий сущность, основу всей библиотечной работы, одну из принципиальных и отличительных черт библиотеки социалистического общества². С таким утверждением никак нельзя согласиться.

К чести В. И. Терешина следует сказать, что он давно выступал против преувеличенного значения руководства чтением в деятельности библиотек. В частности, он подчеркивал: «Мы не можем согласиться с теми, кто утверждает, будто читатель всегда должен быть объектом руководства чтением со стороны библиотекаря»³. В то же время В. И. Терешин, как нам представляется, склонен впасть из крайности в крайность. А это может дискредитировать в принципе правильные позиции. В. И. Терешин непререкаемо категоричен, выдвигает лозунги, требующие действий — «долой руководство чтением!» (с. 23). В более мягкой форме эта мысль звучит так: «в совре-

менный период библиотечное руководство чтением несостоятельно или: никто не имеет права судить за читателя, хорошая это или плохая книга для него». Читая подобные высказывания, трудно удержаться от недоумения. Хочет или не хочет того автор, он подводит нас к выводу: критика произведений печати не нужна, вредна и не имеет права на существование, по крайней мере в нравственном отношении. Теперь только и остается оплакивать критику как средство истолкования и оценки произведений литературы различных отраслей, а еще лучше — ликвидировать критику как жанр.

Но этим не ограничивается перечень «грехов» и «козней» руководства чтением. Оказывается, именно руководство чтением делает любого библиотекаря плохим. В этом разоблачении В. И. Терешин видит суть и нацеленность своей статьи. Вывод однозначен: хочешь быть хорошим библиотекарем — не смей заниматься руководством чтением. Комментарии, как говорят, излишни.

Дальше В. И. Терешин развивает более широкую тему: библиотека и руководство чтением, утверждая, что именно последнее явилось причиной того, что в наших библиотеках стало мало читателей, особенно в массовых. Обвинение весьма серьезное, однако автор не приводит никаких его доказательств, даже самых элементарных. А жаль — мы до сих пор думали, что причина «обезлюдения» массовых библиотек в недостатке популярных, наиболее спрашиваемых изданий.

В. И. Терешин отрицает руководство чтением как функцию библиотек, подчеркивая, что вообще библиотеке как информационному учреждению руководство чтением не свойственно. Он ратует за самообслуживание в библиотеке. Но каковы границы «самообслуживания», коэффициент его полезного действия, эффективность? В каких библиотеках «самообслуживание» читателей составляет, так ска-

¹ Терешин В. И. Руководство чтением и библиотечная педагогика // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1990.— № 2.— С. 29—35; Малевич Е. Н. Публицистика для науки // Там же.— 1990.— № 10.— С. 15—18; Терешин В. И. Ответ оппоненту // Там же.— 1991.— № 10.— С. 20—24.

² Работа с читателями: Учебник для студентов библ. фак, ин-тов культуры, пед. вузов и ун-тов.— М.: Книга, 1981.— С. 67.

³ Терешин В. И. О педагогических аспектах работы научно-технических библиотек // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1972.— № 6.— С. 6.

зать, естественную ситуацию, в каких — затрудняет деятельность читателей? На эти вопросы мы не получили сколько-нибудь ясных ответов.

В статьях В. И. Терешина широко представлен педагогический аспект. Развивая идеи библиотечной педагогики, В. И. Терешин относит ее к педагогике сотрудничества — в противовес педагогике авторитарной, которая, по его мнению, зиждется на принципе «не знаешь — научим, не хочешь — заставим». Автор утверждает, что на нем строилось не только обучение в школе, но и деятельность библиотек. Признаться, трудно себе представить осуществление подобного принципа в библиотеке. Во-первых, в отличие от учебного заведения, библиотека никого и ничему не учит (в смысле систематических знаний). Во-вторых, и это главное, библиотека никого и ни в чем не заставляет, она может осуществлять по отношению к читателю лишь рекомендательные функции.

Но как раз против таких функций и выступает В. И. Терешин. Он видит новую библиотеку как учреждение информационное, независимое от любых государственных, политических, личных и иных (подчеркнуто нами. — А. Ч.) влияний. Оставим на совести автора отрицание государственных и политических влияний, но как быть, например, с **нравственным** влиянием общества на библиотеку и соответственно библиотеки на читателей, которое направлено против пропаганды аморальной, человеконенавистнической и т. п. литературы? Зачем отрицать **профессиональное** влияние библиотечной общественности, отражающее передовой уровень развития библиотечного дела на конкретную библиотеку? В сущности, позиция В. И. Терешина превращает библиотеку в учреждение, обладающее лишь информационной функцией, безразличное к читателям. Таков идеал «новой» библиотеки!

Но вернемся к основной теме статьи В. И. Терешина. Атаку на руководство чтением он ведет массированно, вовлекая и вопросы библиографической деятельности. Прежде всего, отрицается возможность адекватной оценки вышедшего в свет документа не только библиографом, но и специалистом, приглашенным библиотекой со стороны. По мнению автора, это может сделать только сам потребитель информации по своим критериям. На практике это означает, что, например, В. Г. Белинский не может должным образом оценить поэму «Евгений Онегин», а рядовой читатель, скажем, школьник может **в т. п. Основной огонь В. И. Терешин направил против рекомендательной библиографии, которая должна быть исключена из библио-**

течно-библиографической практики. При этом В. И. Терешин опирается на статью М. О. Чудаковой⁴. Статья эта весьма интересна и во многом содержит правильные оценки. Однако мы не можем согласиться с позицией М. О. Чудаковой относительно рекомендательной библиографии, названной ненужной и даже вредной, «библиографией для бедных». Вот и хорошо, скажем мы, рекомендательная библиография помогает «бедным» и делает их «богатыми». В. И. Терешин разделяет взгляды М. О. Чудаковой. В частности, он отмечает, что **«отбракованные»** (подчеркнуто нами. — А. Ч.) библиографом книги не попадают в сферу интересов читателя, пропададут для него». Но ведь, как правило, рекомендательная библиография не «отбраковывает» книги, а выбирает лучшие (при недостатке книг по теме в указатели включаются и не самые лучшие книги, то есть идет отбор не столько по качеству, сколько по тематике), никакого запрета нет — и читатель волен читать то, что ему захочется.

Несмотря на принципиальное отрицание рекомендательной библиографии, В. И. Терешин в позитивном плане говорит о труде Н. А. Рубакина «Среди книг», хотя принцип отбора «наиболее ценных русских книг» в нем официально декларирован. Правда, ссылка на Н. А. Рубакина приведена в контексте полемики с Е. Н. Малевичем, который утверждает, что «Среди книг» создавалось для руководства чтением. В. И. Терешин видит в нем средство для самообразования читателей (в соответствии с авторским предисловием к труду «Среди книг»). Итак: для руководства чтением или для самообразования? В. И. Терешин подчеркивает, что самообразование и руководство чтением — это не одно и то же. Что, конечно, верно, но не в смысле противопоставления. Эти понятия логически несовместимы. Самообразование — процесс в системе читатель — книга, руководство чтением — процесс в системе читатель — посредник — книга. Самообразование — не только процесс, но и цель, руководство чтением — средство достижения цели. В ряде случаев самообразование без руководства чтением связано с непроизводительными затратами усилий и времени.

Теперь мы подошли к главному вопросу полемики — что есть руководство чтением? Общепринятого определения нет. Диапазон между крайними представлениями чрезвычайно широк: от отождествления руководства чтением с библиотечным процессом в целом до полного отрицания самого термина «руководство чтением». Первое представление создано

⁴ Чудакова М. О. Чистка разума Фантомы и мистерины «самой читающей страны» // Сов. культура. — 1990 — 10 марта. — С. 15.

в прошлом, но не утратило своего влияния в настоящем, второе — создано в настоящем и претендует на будущее. По поводу первого представления мы уже высказали свое мнение. Обратимся ко второму. Почему в последнее время все чаще раздаются голоса против применения термина «руководство чтением» в принципе? Отрицание термина — это не что иное, как психологическая реакция на неправомерное расширение сущности процесса, который понимают под руководством чтением. Таким образом, дело не в термине, а в границах его применения, которые связаны с трактовкой понятия «руководство чтением». Отметим следующие черты, характеризующие особенности применения термина «руководство чтением». Термин «руководство чтением» трактуется с жестких, категоричных позиций как «воздействие». В значительной степени поэтому руководство чтением приобретает чрезвычайно широкие границы, охватывает обширный пласт разнообразных явлений и действий. При этом не учитываются различия между типами библиотек. А на деле объем руководства чтением убывает от «низшего» к «высшему» типу библиотек.

В какой сфере библиотечного дела следует искать руководство чтением? Очевидно, в процессе обслуживания читателей. Структура этого процесса выглядит (в максимальном варианте) следующим образом:

- информирование о литературе,
- пропаганда литературы,
- формирование культуры чтения.

Проанализируем структуру процесса обслуживания для установления значения его частей в формировании понятия «руководство чтением». Очевидно, что формирование культуры чтения, свойственное преимущественно детским и юношеским и отчасти массовым библиотекам, непосредственно работает на руководство чтением. Меньший вклад в этот процесс вносит пропаганда литературы — она связана с отбором и оценкой произведений печати. Информирование о литературе создает базу для процесса обслуживания читателей в целом и руководства чтением в частности. Таким образом, все три элемента процесса обслуживания читателей служат составляющими процесса руководства чтением — в разных объемах, аспектах и применениях.

Попытаемся сформулировать основные исходные моменты, которые могут быть учтены при дальнейшем определении сущности и границ применения понятия «руководство чтением». Нельзя поддержать как позицию расширительного подхода к руководству чтением, так и позицию принципиального отрицания руководства чтением как функции библиотеки. Руководство чтением (и соответствующий ему

термин) имеет право на существование как одна из функций библиотек, способствующая поднятию уровня книжной культуры населения. Руководство чтением как библиотечный процесс можно охарактеризовать следующим: является частью (аспектом) обслуживания читателей;

осуществляется в основном в детской (юношеской) и отчасти — в массовой библиотеках. Отдельные элементы руководства чтением могут осуществляться и в других типах библиотек;

предполагает отсутствие диктата (воздействия) библиотеки на читателя и происходит на уровне рекомендаций;

исходит из активной роли читателя, учитывает его потребности и интересы, основывается на сотрудничестве библиотеки и читателя.

Исходя из этой позиции, сформулируем определение понятия «руководство чтением». Руководство чтением в библиотеке — педагогический процесс, помогающий читателю в информировании и отборе литературы с учетом его читательских потребностей и интересов, а также — в формировании культуры чтения.

Надеемся, что данная формулировка послужит базой для выработки общепризнанного определения понятия «руководство чтением в библиотеке», которое внесет большую конструктивность в научные споры и предотвратит метания из крайности в крайность, подмену старых догм новыми.

В заключение остановимся на моменте, касающемся не только библиотековедения, но и книговедения. В. И. Терешин с необычайной легкостью опровергает устоявшийся перевод древнегреческого слова «biblion» — книга. По мнению автора, в ошибке тысячелетий повинны и книговеды, и филологи, и все остальные. В. И. Терешин пришел к открытию, что термин «biblion» возник еще до появления книги (остаётся удивляться, как это может быть — сначала возник термин, а затем само явление). В. И. Терешин пишет, что этот термин охватывал систему различных носителей информации — глиняных таблиц, папирусных листов и т. п. Но, как известно, рукописные свитки, глиняные таблицы и т. п. — суть исторические формы книги. В. И. Терешин приходит к выводу: поскольку слово «biblion» не потеряло своего полисемического (?! — А. Ч.) значения, то его следует переводить на русский язык как «документ». Бедные древние греки — как они не предусмотрели такого. Конечно, приятно делать великие открытия... «Но зачем же стулья ломать?»

Таковы наши замечания и соображения, которые появились в ходе дискуссии о руководстве чтением в библиотеке.